

Айзек
АЗИМОВ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Я, РОБОТ

Все о роботах и роботемике

Айзек Азимов
Улики
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157976

Я, робот: Эксмо; 2005

ISBN 5-699-13798-X

Оригинал: Isaac Asimov, "Evidence"

Перевод:

Алексей Дмитриевич Иорданский

Аннотация

Во время выборов мэра одного из американских городов политик Фрэнсис Квинн, выдвигавший свою кандидатуру на этот пост обратился в фирму «Ю. С. Роботс» с необычным предложением. Его соперник, блистательно делающий карьеру Стивен Байерли, по его мнению являлся...

Айзек Азимов

Улики

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы, Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, можно было бы отыскать в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и древнего Шумера, и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше их знали.

Однако, чтобы покончить с вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше сразу скажем, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, что означало острое раздражение. Он был очень сердит.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не беспокоило бы. Его голос был дружелюбным – впрочем, может быть, просто профессионально дружелюбным.

– Полагаю, доктор Лэннинг, вы знаете Стивена Байерли?

– Я о нем слышал... Так же как и многие другие.

– Я тоже. А не намереваетесь ли вы голосовать за него на следующих выборах?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Лэннинг с оттенком язвительности. – Я политикой не интересуюсь и даже не знал, что он выставил свою кандидатуру.

– Он может стать нашим будущим мэром. Конечно, пока он всего лишь прокурор, но ведь большие деревья вырастают из...

– Да, Да, – перебил Лэннинг, – я это уже слышал. Но не перейти ли нам к сути дела?

– А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. – Голос Куинна был необыкновенно кротким. – Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

– Я заинтересован?! Неужели? – Лэннинг еще сильнее нахмурил брови.

– Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». Я пришел к вам, как к ее бывшему научно-му руководителю, зная, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее формально вы уже почти не связаны с ними и не очень стеснены в своих действиях, даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

– Я не совсем вас понимаю, мистер Куинн.

– Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

– Мы говорили о мистере Байерли – странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек. Во всяком случае, из всех прокуроров, каких я только знал, он самый умный и талантливый. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

– Понимаю, – машинально сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

– В прошлом году, – спокойно продолжал Куинн, – мне пришлось заняться мистером Байерли – и навести о нем подробные справки. Видите ли, всегда полезно подвергнуть тщательному изучению прошлое политика, ратующего за реформы. Если бы вы знали, как часто это помогает...

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

– Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, колледж, гибель жены в автомобильной катастрофе, тяжелые увечья и долгая болезнь, изучение права, переезд в столицу, должность прокурора...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

– А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

– Простите?

– Наш окружной прокурор никогда не ест! – повторил раздельно Куинн. – Говоря точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не то чтобы редко, а ни разу!

– Это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши источники?

– Им можно верить, и, на мой взгляд, ничего невероятного в этом нет. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил, – ни воду, ни алкогольные напитки, – или спал. Есть и другие факты, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый Роботехник покачал головой.

– Нет. Из ваших слов, в сочетании с тем, что вы говорите их именно мне, может следовать только один вывод. Но это невозможно.

– Да ведь он ведет себя совершенно не так, как ведут себя люди, доктор Лэннинг!

– Если бы вы сказали мне, что он переодетый Сатана, я бы вам скорее поверил.

– Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

– А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

– Тем не менее, – Куинн аккуратно погасил свою сигарету, – вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

– Я могу вам наверняка сказать, мистер Куинн, что никакого участия в подобном расследовании не приму. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

– У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

– Это ваше дело.

– Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы тоже не хотите, потому что такого рода гласность может принести немалый вред компании. Я полагаю, вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

– Разумеется! – резко ответил Лэннинг.

– Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» – единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он – позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продают-

ся, так что корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

– Мистер Куинн, ничего не стоит доказать, что человекоподобных роботов корпорация никогда не изготавливала.

– А вообще это возможно? Просто как предположение?

– Да. Это возможно.

– Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

– Только не с позитронным мозгом. Это крайне сложная работа, и она делается под строжайшим правительственным контролем.

– Да, но робот может изнашиваться, сломаться, выйти из строя – и тогда его демонтируют.

– А позитронный мозг используют снова или уничтожат.

– В самом деле? – Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. – А если один позитронный мозг – случайно, разумеется, – не был уничтожен, а под рукой, тоже случайно, оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

– Такого быть не может!

– Не исключено, что вам придется доказывать это правительству и народу. Так почему бы не доказать сейчас мне?

– Но зачем такой робот мог нам понадобиться? – раздраженно спросил доктор Лэннинг. – Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

– Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация очень заинте-

ресована в том, чтобы в тех или иных областях разрешили использовать человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но предубеждение публики слишком сильно. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

– Чистейшая фантазия, доходящая до нелепости.

– Возможно. Так докажите это! Или вы все-таки предпочтете доказывать это публике?

Наступили сумерки, но в комнате еще не настолько стемнело, чтобы нельзя было заметить краску смущения на лице Альфреда Лэннинга. Рука Роботехника потянулась к выключателю, и па стенах мягко засветились лампы.

– Ну хорошо, – пробормотал он. – Посмотрим.

Внешность Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И вглядевшись повнимательнее, ему можно было дать сорок лет, хотя на первый взгляд его здоровый, упитанный, веселый вид не очень соответствовал этому возрасту.

Это впечатление особенно усиливалось, когда он смеялся. Сейчас он как раз смеялся – громко и долго.

Временами успокаиваясь, а потом снова раздражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга, наоборот, вы-

ражало крайнее неудовольствие. Он взглянул на женщину, сидевшую рядом, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

– Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я – робот!

– Не я это утверждаю, – отрезал Лэннинг. – Меня вполне удовлетворит, если вы окажетесь представителем рода человеческого, И так как наша корпорация вас не изготавливала, то я вполне уверен, что вы человек, – во всяком случае, с юридической точки зрения. Но поскольку предположение, что вы робот, было высказано всерьез и исходит от лица, занимающего определенное положение...

– Не упоминайте его имени, если это противоречит вашим этическим принципам, но ради простоты назовем его Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его перебили, и после подчеркнутой паузы продолжал еще более ледяным голосом:

– ...от лица, занимающего определенное положение, – о его имени мы сейчас гадать не будем, – я вынужден просить вашей помощи, чтобы это предположение опровергнуть. Если этот человек, воспользовавшись средствами, имеющимися в его распоряжении, выдвинет это предположение публично, сам такой факт может нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если оно и не будет до-

казано. Вы понимаете?

– Да, ваше положение мне ясно. Обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех вас обидел. Меня рассмешила сама подобная мысль, а не ваши трудности. Чем я йогу вам помочь?

– О, это очень легко. Вам нужно просто зайти в ресторан в присутствии свидетелей и дать сфотографировать себя за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора осталась позади. Женщина, сидевшая рядом с ним, была, очевидно, настолько поглощена наблюдением за Байерли, что не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к Роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

– Боюсь, что не смогу оказать вам эту услугу. – Он поднял руку. – Погодите, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы исключаете возможность того, что Куинн – ну, этот человек, занимающий определенное положение, – обвел вас вокруг пальца, чтобы вы поступили именно так,

как нужно ему?

– Ну, вряд ли уважаемый человек пойдет на такой риск, не чувствуя твердой почвы под ногами.

– Вы не знаете Куинна, – сказал Байерли очень серьезно. – Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он сказал вам, будто во всех подробностях изучил мое прошлое?

– Да, и убедил меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

– Значит, вы поверили, будто я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

– Вы пользуетесь прокурорскими уловками, чтобы запутать очень простой вопрос.

– Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть в присутствии других людей – вероятно, это нервное. Согласен, такая причуда не совсем обычна, но она никому не причиняет вреда. Судите сами, доктор Лэннинг. Представьте себе, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, обнаруживает в его частной жизни вот такие странности, о каких я говорил. И он решает, что самое лучшее средство как можно сильнее

очернить этого противника – ваша компания. Как вы: думаете, скажет ли он вам: «Такой-то – робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой и его холодильник был пуст?» Если бы он так сказал, вы бы вызвали санитаров со смирительной рубашкой. Но этот человек говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». И вы, сбитые с толку необычностью такого заявления, не видите, что доказать его невозможно. Вы вносите свой вклад в шумиху и этим играете ему на руку.

– Тем не менее, сэр, – упрямо настаивал Лэннинг, – считаете вы это дело серьезным или не считаете, но, чтобы его прекратить, достаточно лишь того обеда, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

– Извините, я правильно расслышал ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

– Да, мистер Байерли.

– Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

– Простите, робопсихолог.

– А разве психология роботов так отличается от человеческой?

– Разница огромная, – она позволила себе холодно улыбнуться. – Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

– Да, это не очень лестно для людей. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что такое, о чем доктор Лэннинг не подумал.

– Что именно?

– Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

– Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив дыхание, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

– Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Далее его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

– Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

– Разве? – улыбнулся Байерли.

– Конечно. Совершенно ясно, доктор Лэннинг, что если это человекоподобный робот, то имитация должна быть полной. Он абсолютно неотличим от человека. В конце концов, мы всю жизнь имеем дело с людьми, и приблизительным

сходством нас обмануть нельзя. Он должен быть похож на человека во всем. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. Так вот, разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделений? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое возникло сейчас. Так что обед ничего не докажет.

– Погодите, – возразил Лэннинг, – я не такой дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед Положит конец всем подозрениям, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робопсихологам.

– Но, доктор Лэннинг, – сказал Байерли, – вы забываете, что тут замешана политика. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн – этому воспрепятствовать. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный прием. Я знал, что рано или поздно вы его назовете. Лэннинг покраснел.

– При чем здесь выборы?

– Скандал, сэр, – палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится это сделать, у меня хватит мужества принять вызов.

– Вы хотите сказать, что... – испуганно произнес Лэннинг.

– Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать – выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть в нее голову и оскалить зубы. А уж остальные мелочи я беру на себя.

– Вы очень в себе уверены.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

– Пойдемте, Альфред. Мы его не переубедим.

– Вот видите, – Байерли улыбнулся, – вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил автомобиль на транс-портер подземного гаража и направился к двери, своего дома, в нем не видно было той уверенности в себе, которую отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидящий в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, состоявшем наполовину из шрамов и рубцов.

– Ты сегодня поздно, Стив.

– Да-да, Джон, я знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

– Ну? – Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах появилась тревога. –

Ты не можешь с ней справиться?

– Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас – ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому пандусу, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

– Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

– Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механической тележки. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной нежностью опустил Джона на прохладную траву.

– А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

– Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

– Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

– Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно срывали одну травинку за другой.

– Ах, вот оно что...

Байерли сказал:

– Но мы дадим ему возможность выбрать оружие, У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в кабинете Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

– Блеф! Он все это тут же и придумал.

– И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? – безразлично спросила доктор Кэлвин.

– Ну, в конце концов, ставка-то ваша.

– Послушайте, – показная уверенность, звучавшая в голосе доктора Лэннинга, не скрывала мучивших его сомнений, – мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно думать, будто он робот.

– И вы так считаете? – Куинн повернулся к Кэлвин. – Лэннинг говорил, что вы специалист.

Лэннинг начал почти угрожающим тоном:

– Вот что, Сьюзен...

Куинн вежливо перебил его:

– Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она уже

полчаса сидит здесь и молчит.

Лэннинг почувствовал, что у него больше нет сил. Ему казалось, еще немного – и он сойдет с ума.

– Хорошо, Сьюзен, говорите. Мы не будем вас перебивать.

Сьюзен Кэлвин посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

– Есть только два способа с несомненностью доказать, что Байерли – робот. Пока что вы предъявляете лишь косвенные улики – они позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или воспользоваться рентгеном. Каким образом – дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам Роботехники. Позитронный мозг не может быть устроен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, напечатанные крупным шрифтом на первой странице «Руководства по Роботехнике».

– Я слышал о них, – сказал Куинн небрежно.

– Тогда вы легко поймете меня, – сухо ответила она. Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов – он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это

ничего не доказывает. Куинн вежливо поднял брови.

– Почему, доктор?

– Потому что, если хорошенько подумать, Три Закона Роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствуя свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это – Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это – Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы Роботехники, он или робот, или очень хороший человек.

– Значит, – произнес Куинн, – вы никогда не сможете доказать, что он робот?

– Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

– Это не то, что мне нужно!

– Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно – дело ваше.

Тут Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он неуверенно сказал:

– Постойте... А вам не кажется, что обязанности прокурора – довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры – огромный вред, причиняемый людям...

– Нет, так вы не вывернетесь, – возразил Куинн. – То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дело против невиновного, что десятки людей были оправданы только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он мог бы, вероятно, убедить суд присяжных и добиться смертного приговора!

Худые щеки Лэннинга дрогнули.

– Нет, Куинн, нет! В Законах Роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку – будь то негодяй или ангел.

– Альфред, – устало произнесла Сьюзен Кэлвин, – не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом, где находятся люди? Он остановит его или нет?

– Конечно.

– А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг проворчал что-то нечленораздельное.

– В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы его не убивать. Если маньяк все-таки будет убит, роботу понадобится психотерапия. Он сам сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием – нарушить букву Первого Закона, чтобы остаться верным его духу. Но человек будет тем не менее убит, и убит роботом.

– Что же, по-вашему, Байерли должен был давно сойти с ума? – осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на какой был способен.

– Нет, но сам он никого не убивал. Он лишь предает гласности факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и тем самым с наибольшей возможной эффективностью исполняет Первый Закон. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Стережет преступника тюремщик, казнит палач. А мистер Байерли всего лишь устанавливает истину и помогает обществу. После того как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно ознакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что пре-

ступников надо лечить, а не наказывать. Я считаю, что это говорит о многом.

– Да? – Куинн улыбнулся. – А не пахнет ли здесь роботом?

– Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

– Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

– «Ю. С. Роботс» проводила такие эксперименты – конечно, без позитронного мозга. Если взять человеческие яйцеклетки и регулировать их рост с помощью гормонов, можно нарастить человеческие мышцы и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть действительно человеческими, а не имитацией. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

– Сколько времени для этого нужно? – коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал.

– Если у вас есть все необходимое – мозг, остов, яйцеклет-

ки, гормоны, оборудование для облучения, то, скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

– Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это сослужит «Ю. С. Роботс» плохую службу, но у вас была возможность предотвратить такой оборот дела.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы настаиваете...

Она резко перебила его, не пытаясь скрывать свои чувства:

– Что вам нужно: установить истину или добиться моего ухода? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю, С, Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

– А что если он вскрыет Байерли, и выпадут колесики и шестеренки? Что тогда?

– Он не вскрыет Байерли. – произнесла Кэлвин презрительно. – Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до выдвижения Байерли кандидатом в мэры. «Облетела» – это, пожалуй, не то слово. Она разбрелась по нему неверными шагами. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появились сомнения и люди начали

задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось: могла быть выдвинута лишь одна кандидатура – Байерли. Да и теперь других кандидатов не нашлось – пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Рядовых избирателей мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения, если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей, если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за Байерли, в газете появилось длинное интервью с доктором Сьюзен Кэлвин – «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И тут разразилось просто черт знает что такое – другого слова, пожалуй, и не подберешь.

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не была какая-то политическая партия или религиозная секта. Так называли людей, которые просто не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», окрещенном так еще тогда, когда атомы были в новинку. Это были, в сущности, сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая тем, кто ее испытал на себе, вероятно, казалась не такой уж простой.

В новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил, фундаменталисты не нуждались. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их аргументам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» напоминали ульи, кишашие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли был оцеплен полицейскими. Все остальные аспекты предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией то, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную, хитроумно составленную официальную бумагу.

– Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного нахождения в нем... э-э... механических людей и роботов любого типа...

Байерли взял бумагу, бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, вернул ее человечку.

– Все по форме. Валяйте. Исполняйте свои обязанности. Миссис Хоппен, – крикнул он экономке, которая неохотно вышла из комнаты, – пожалуйста, пройдите с ним и помогите, если понадобится.

Суетливый человечек, фамилия которого была Херроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

– Пошли.

Через десять минут они вернулись.

– Все? – спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Херроуэй откашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

– Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

– Разве вы этого не сделали?

– Нам точно сказали, что мы должны искать.

– Да?

– Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами, Нам велено обыскать вас.

– Меня? – произнес прокурор, широко улыбаясь. – А как вы предполагаете это сделать?

– У нас с собой флюорограф...

– Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

– Вы видели постановление.

– Можно взглянуть еще раз?

Херроуэй. лицо которого выражало нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

– Я сейчас прочитаю, что вы уполномочены обыскать: «...домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, под номером триста пятьдесят пять по улице Уиллоугров, город Ивенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

Херроуэй твердо помнил, кому он обязан своей должностью. И теперь, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую, он не собирался отступать. Он сказал вызывающе:

– Послушайте-ка, я уполномочен осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

– Удивительно справедливое замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я – не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин, у меня есть свидетельство о психической

вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщете меня, ваши действия можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги тут мало.

– Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится.

– Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

– Где? – Херроуэй схватил бумагу.

– А там, где говорится: «...домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И можете сказать своему хозяину, мистер Херроуэй, что, если он попытается получить другую бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основании сведений, которыми он располагает сейчас. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку лишить меня прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроуэй обернулся.

– Вы ловкий крючоктвор...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

– Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький аппарат и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что ничего не напутал.

Куинн и Байерли еще ни разу не встречались лицом к лицу наедине. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка.

Разговора потребовал Куинн. Куинн его и начал, обойдясь без вступительных церемоний:

– Вам, наверное, будет интересно это узнать, Байерли. Я собираюсь предать гласности, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

– В самом деле? В таком случае вы, надо думать, уже предали это гласности. Боюсь, предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из служебного кабинета. Вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружеским тоном. Можно было подумать, что он болтает с приятелем. Губы Куинна слегка сжались.

– Этот разговор защищен от подслушивания. Для меня он сопряжен с некоторым риском.

– Ну еще бы! Никто не знает, что вы стоите за этой кампа-

нией. По крайней мере, официально никто не знает. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

– Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

– А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

– Им на это наплевать.

– Может быть. Это, пожалуй, прекрасно характеризует различие в нашей тактике, не правда ли? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

– Несомненно, это очень хорошо для предвыборной речи. Только вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, – его голос внезапно стал жестким, – вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

– Это почему?

– Я располагаю сведениями, – Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были вины в визифон, – что одного человека не хватало. Калеки.

– Совершенно верно, – произнес Байерли без всякого выражения, – калеки. Моего старого учителя, который живет со

мною и который сейчас находится за городом, – и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «удалился на покой». Вы что-нибудь против этого имеете?

– Ваш учитель? Какой-то ученый?

– Когда-то он был юристом, прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями в собственной лаборатории, и полное описание его работ передано в соответствующие учреждения, куда вы и можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны и развлекают... бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

– Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

– Я не могу судить о его познаниях в области, с которой сам толком не знаком.

– Он имеет доступ к позитронным мозгам?

– Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

– Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы – созданный им робот. Мы можем это доказать. В автомобильную катастрофу попал он, а не вы. Это можно проверить.

– В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю успеха.

– И мы можем обыскать этот загородный дом. Посмотрим, что мы там найдем.

– Ну, это как сказать, Куинн, – Байерли широко улыбнул-

ся. – На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Загородный дом для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при таких обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщинки на лбу.

– Байерли, зачем упрямитесь? Вас не выберут.

– Разве?

– Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов Роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

– Я понимаю одно: из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я превратился в фигуру мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

– Но вы же робот.

– Сказано – не доказано.

– Доказательств хватит, чтобы вас не выбрали.

– Тогда вам нечего волноваться – вы уже победили.

– До свидания, – сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

– До свидания, – невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

Байерли привез своего учителя в город за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

– Ты останешься здесь до конца выборов, – сказал ему Байерли. – Если дело обернется плохо, лучше, чтобы ты был в более спокойном месте.

В хриплом голосе, вырвавшемся из перекошенного рта Джона, можно было различить тревогу.

– Разве есть основания опасаться насилия?

– Фундаменталисты не скупятся на угрозы, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, чтобы это случилось. У них нет реальной силы. Просто они постоянно вносят смуту, и когда-нибудь это кончится беспорядками. Ты согласен побыть здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется беспокоиться о твоей безопасности.

– Хорошо, Ты все еще думаешь, что дело кончится благополучно?

– Уверен. У тебя там никто не появлялся?

– Никто. Это я точно знаю.

– И ты себя вел так, как мы договорились?

– В точности. Там все будет в порядке.

– Тогда будь осторожнее, Джон, а завтра смотри телевизор.

Байерли пожал изувеченную руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокой-

ство. Его положение было незавидным. Он считался уполномоченным Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию. Объектом ее был человек, который раскрыть свой план действий отказался, а следовать указаниям своего уполномоченного не соглашался.

– Вы не должны! (Это были его любимые слова, а в последние дни они стали и единственными.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он рухнул в кресло перед столом прокурора, который не спеша листал отпечатанный на машинке текст своей речи.

– Откажитесь, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас не станут слушать. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

– Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? – мягко спросил Байерли.

– Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

– О, мне ничего не грозит.

– Ему ничего не грозит! – Лентон даже поперхнулся. – Вы хотите сказать, что намерены выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попытаете вбить им что-то в голову – с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

– Да. И примерно через пять минут, как только будут готовы телевизионные операторы.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома поднимаются из сплошной массы людей. А телевидение сделало очевидцем происходящего все человечество. Это были местные выборы, но за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Атмосфера враждебности сгустилась до того, что стала почти осязаемой.

Выступление с самого начала было сорвано. Голос Байерли заглушали рев толпы и ритмические выкрики кучки фундаменталистов, разбросанных там и сям по всей площади. Но Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

В передних рядах толпы началось какое-то движение. Вперед проталкивался тощий субъект с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его костлявых рук и ног. Устремившийся за ним полицейский медленно и с трудом пробивался сквозь толпу, пока Байерли сердитым взмахом руки не остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Он что-то кричал, но слов не было слышно из-за шума толпы.

Байерли наклонился через перила.

– Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу. – Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому. – Проведите его сюда.

Толпа насторожилась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, весь красный и запыхавшийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

– Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

– Ударь меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

– Ударь меня! Ты говоришь, что ты не робот. Докажи это! Ты не сможешь ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

– У меня нет причин вас бить.

Тощий человек захохотал.

– Ты не можешь меня ударить! Ты меня не ударишь! Ты не человек! Ты чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо

его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

– Мне очень жаль... Отнесите его в дом и устройте поудобнее. Как только я освобожусь, я с ним поговорю.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, которого она не расслышала.

Сьюзен Кэлвин обернулась и прокричала:

– Он – человек!

Репортеру только того и нужно было. Он понесся прочь.

Речь была произнесена до конца, но больше никто ничего из нее так и не слышал.

Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз – за неделю до того, как он принес присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

– Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся.

– Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

– Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

– Частично.

– Она была в высшей степени драматической. Стивен Бай-

ерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Между прочим, вы интересуетесь Роботехникой, мистер Байерли?

– Только с юридической стороны.

– А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано, он лишился голоса, пострадала и его психика. Он отказался от пластической операции и стал отшельником. Карьера его погибла, у него остались только разум и руки. Каким-то образом ему удалось раздобыть позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение Роботехники. Он вырастил для этого мозга тело. Он сделал из робота все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видит...

– К несчастью, – сказал новый мэр, – ударив человека, я все это опроверг. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

– Как это получилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

– Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека, что я не способен ударить человека, что если я не сделаю

этого, когда меня будут провоцировать, то будет точно доказано, что я робот, Поэтому я устроил это дурацкое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, что какой-нибудь осел почти неизбежно должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Я вижу, вы вторгаетесь в мою область, – вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но мне жаль, что все вышло именно так. Я люблю роботов. Люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. Следуя Законам Роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости и предрассудков. А прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, – ведь для него было бы невысказанно огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Что могло бы быть лучше?

– Но ведь роботу все это могло бы оказаться не под силу из-за коренных недостатков позитронного мозга. Ведь такой мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

– У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли внимательно посмотрел на Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

– Потому что Куинн кое-что упустил из виду.

– Вы хотите сказать, что его версию можно было бы дополнить?

– Да. Одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека, перед выборами по каким-то таинственным причинам провел три месяца за городом. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А ведь он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

– Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и одернула костюм, собираясь уходить.

– Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай...

– Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

– Когда человек, которого нужно ударить, – другой робот.

Ее худое лицо просияло, на нем появилась широкая улыбка.

– До свидания, мистер Байерли. Надеюсь, что я еще буду голосовать за вас через пять лет – на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся.

– Ну, до этого пока далеко... Дверь за ней закрылась.